

Живая легенда Германии, почти забытый в России русский писатель Лев Копелев умер в Кельне 18 июня в два часа дня. В то утро я сажала цветы на Введенском кладбище (там похоронен мой отец) и, как обычно, уходя, посмотрела на могилу доктора Гааза, «святого доктора Федора Петровича» — камень, крест, кандалы, цепи, цветы, — еще одно имя, еще одна судьба, воскрешенная Копелевым. О докторе Гаазе писали и прежде, и в XIX веке, и в начале XX. Копелев написал так, что прочтешь — не забудешь. На камне надпись: «Спешите делать добро».

Начало 60-х годов, Москва. В Театре Ленинского комсомола, тогда еще эфросовском, режиссер М. И. Туманишвили репетирует пьесу Б. Брехта «Что тот солдат, что этот». В зале несколько актеров, студенты и «германист-переводчик» — большой красивый человек. Через несколько дней в театральной библиотеке я полагаю возможным с ним поздороваться и задать идиотский вопрос по истории немецкой культуры, ответ на который можно получить в любом справочнике. Копелев отвечает обстоятельно, подробно, на память пишет каталожные номера книг, показывает, как с помощью разных каталогов добыть наиболее полную информацию.

Жилы, вздувшиеся на лбу, по ним видно, как трудно быть злым.

Мне очень жаль моих соотечественников, которые не имеют возможности испытать радость этого чтения, ведь книги Копелева и его жены Р. Д. Орловой изъятые из библиотек после лишения обоих гражданства в 1981 году. И что толку, что указ отменен, — книг-то нету.

Из «Автобиографии» Льва Копелева:

1989-й — две поездки в Москву. В апреле вместе с Р. Д. Орловой, в июле отвез урну с ее прахом для погребения в Москве.

Я впервые увидел Льва Зиновьевича Копелева в 1989 году, когда он получил наконец возможность приехать в Россию. Копелев пришел в тогдашний коротичевский «Огонек» (флагман перестройки!), где я работал, и Коротич вызвал меня в свой кабинет, чтобы мы с Львом Зиновьевичем договорились о его постоянной колонке в журнале. Мое первое поверхностное впечатление от этого человека абсолютно точно сформулировали Ильф и Петров: «мощный старик», «гигант мысли», «отец русской демократии». Только вся ирония из этих определений мгновенно улетучивалась в широком энергетическом поле Копелева. Мы быстро обо всем договорились. И вот Лев Зиновьевич прислал из Германии свою первую колонку. Она была про лошадей. То есть про лошадей вообще: их особенности и грацию, красоту и невероятность. Без каких-либо политических подтекстов и аллюзий. Мы растерялись. И, увлеченные политико-историческими разоблачениями, не поняли, что этот простой и добрый текст обязательно надо печатать. До сих пор считаю, что это была наша ошибка.

Олег ХЛЕБНИКОВ

Добро не наживают. Его делают

Существует таинство простейших связей между людьми

В 1966 году в серии ЖЗЛ выходит книга Копелева «Брехт».

Открытие: Брехт — поэт, его театр — не пропагандистский, а живой, настоящий (не зря Брехта играют во всем мире и теперь, в самом конце века, и театральные удачи следуют чередой). И человек Бертольт Брехт — очень привлекательный: азартный, с чудной самоиронией, умный, доверчивый. Десятки раз пересказанные страницы книги о том, как Брехт, рискуя свободой, обвел вокруг пальца ФБР и выставил его на всеобщее осмеяние, о приобщении к метафизике и, конечно, стихи — в переводе автора и в его отборе:

...Выбирайте большие деревья, которые по вечерам Чернеют, медленно колыша ветви. И дожидаетесь ночи из их листве. (Из «Баллады о лазанье по деревьям»)

И еще:

Славьте дерево, которое Растет, ликуя, из падали в небо. Славьте пададь сначала. Славьте дерево, которое эту пададь впитало, Но славьте еще и небо.

И дальше: На моей стене висит японская деревянная маска, Личина злого демона золоченым покрыта лаком. Сочувствуя, вижу я

1990-й — восстановлено гражданство (Р. Д. Орловой посмертно).

А книг нет. Из письма к Л. К. Чуковской 14 июля 1983 года:

Дорогая Лидия Корнеевна! Сегодня тот день, который так много значил для Герцена и Некрасова (идеи 1879!!!) и так мало (или вовсе ничего, или вовсе наоборот?) значит для большинства наших современников. Я с печалью и как-то растерянно думаю о том, что не могу отречься ни от этих «трехцветных идеалов»: свобода, равенство, братство, — ни от Нагорной проповеди. И пытаюсь (иногда до отчаяния

бесплодно) сочетать их с той горькой правдой и мучительной верой-недоверием, которыми поражают, околдовывают и гнетут Достоевский, Розанов, Бердяев...

...Вот так. Хотел приписать нежный привет, а «повело» меня невесть куда...

Н. В. Для иностранного читателя мы уже достали денег на издание (здесь изд-ва теперь из-за кризиса все реже решаются «рисковать», и мы достаем субсидии — уже есть для Вашей книги («Записки об Анне Ахматовой» — Н. К.), для «Декады» Сем. Изр-ча (Липкина. — Н. К.), набирается для «Жизни и судьбы» (Васи-

лия Гроссмана. — Н. К.). Есть и хороший переводчик, который хочет переводить еще и Ваши стихи. Кай Боровский — слава из Тюбингена, опытный и во многих случаях очень хороший переводчик. Он влюблен в Вас давно и восхищенно.

На этом кончаю. Очень ждем Ваших писем. Нежно целую Вас и Люшу. Приветсы сердечные Кларочке, всем добрым друзьям. Ваш Лев Копелев.

Ему всегда было дело до других — книг, судеб, биографий.

Лев — всем: дорогие и родные! Это будет опять письмо под копиру «урби эт орби»... А в ресторанчике со смешным названием «Ватиканчик» (Вати-

кахен), раньше принадлежавшем иезуитам, теперь хозяйничают китайцы... С официантом-китайцем я пытался говорить на китайском, но мы установили, что его гонконгский говор сильно отличается от северного, которому учили меня. Например, название «Пекин» на северном «бей-дзин», а на ихнем — «бэ-дэан» и другая мелодия.

Другие мелодии, мелодии Других — ему были вняты, неподдельно интересны.

Генрих Белль. Из послесловия к немецкому изданию книги Льва Копелева «Хранить вечно»: Исповедь Копелева обладает еще одним измерением, о котором я говорю нерешительно, так как попытки его определить невразумительны и вызывают самые большие недоразумения: религиозность. Если рассматривать это слово по сути, его корень — «религиозность» означает связь. В копелевской исповеди очевидны связи с людьми, с человеческим или даже со слишком человеческим. И более того, я почти решаюсь сказать о новом религиозном учении, учении о таинстве простейших, стихийных связей между людьми. Такое учение, вероятно, могло возникнуть только из опыта материалиста, который включает непосредственное познание «матери» человеческой жизни. «Священность» одной сигаретной затяжки, которую он и сам извещал, но еще и услышал ей литургический гимн из уст военнопленного немецкого капитана Кенига. Потому что курение для него больше, чем обычная потребность в табаке, которую испытывает одержимый курильщик, курение становится для него воплощением братства, милосердия, любви. А этот военнопленный капитан, у которого в жизни было всего вдоволь, который и в своем предании и по всем понятиям своей среды был счастливым, — затягиваясь сигаретой — почти францисканец...

Другой эпизод. Замечательное, необыкновенное пасхальное богослужение, которое устроили дядя Сеня и тетя Дуся, богослужение совершенно не церковное, не важно было — ты верующий или атеист, одно переходит в другое вместе с братством, с милосердием.

«Хранить вечно», изданная во многих странах на десяти европейских языках (в том числе и по-русски), наконец вышла в России в 1989 году. Книжки «Утоли моя печали», «Святой доктор Федор Петрович», «Будущее уже начинается», «Мы жили в Москве» Р. Орловой и Л. Копелева тоже вышли в России и были мгновенно раскуплены. Кажется, издатели должны бы бороться за возможность напечатать «Мы жили в Кельне», «И сотворил себе кумира», переиздать книгу о Брехте (Копелев не намеревался ее «исправлять», считал ее готовой к печати), «Почему мы стреляли друг в друга» Л. Копелева и

Г. Белля «Поэт пришел с берегов Рейна. Генрих Гейне». Но этого нет. Стране, которую мы потеряли, то бишь СССР, Копелев, конечно, был не нужен. Многие ли изменилось, если сегодня — под другими лозунгами — за меня снова решают: что мне нужно, а что нет, что мне читать, а без чего перебраться.

После смерти Р. Д. Орловой Копелев хотел увидеть на родине в руках читателей ее последнюю книгу «Почему я живу», дал денег на издание. Не стряслось.

И тома Вуппертальского проекта, видно, будут дожидаться Второго пришествия.

Мы не любим или не умеем любить живых. Скоро, через несколько недель, прах Копелева привезут и похоронят на Донском кладбище, там, где похоронили Р. Д. Орлову. Аминь.

Я никого не хочу обидеть, но все же очень стыдно: как много сделал он один (включая гуманитарную помощь нашей стране, одним из организаторов которой он был в 1989 году, еще до падения Берлинской стены), и как мы не торопимся, словно у нас уже вечность на дворе.

«Я верю, что чудо спасет Россию» называется интервью Копелева русско-немецкому журналу «Студия» (ноябрь 1996 года, Кельн). «Да, я по-прежнему верю, что чудо спасет Россию. Не только верю, но и убежден опытом истории.

...Чудеса, добрые и недобрые, плодотворные и губительные, известны в истории многих стран, но особенно обильны они в истории России.

Потому я и убежден, и верю, что новое чудо вызовет Россию из тупей и пропасти. Разумеется, чудеса не предсказуемы, не предвидимы, но их можно все же предчувствовать, верить в их неотвратимость, надеяться, молиться...

Трудно оторвать себя от перечитывания Копелева: пока читаешь, размышляешь — будто длится разговор с живым.

Напоследок — Лев Копелев о докторе Гаазе:

Он был немцем, но большую часть жизни прожил в сердце России; он оставался убежденным католиком в среде убежденных православных. Его читали самые знатные, самые богатые и самые просвещенные москвичи; с ним приятельствовали сановники, литераторы, светские дамы, ученые... Но он прежде всего спешил к своим больным; он посвящал все свои душевные силы, мысли, время и заработки беднейшим из бедных, бесправным, униженным, обездоленным людям...

Повторите его подвиг дано лишь немногим. Но каждый человек может воспринять дух деятельного милосердия, олицетворенный в докторе Гаазе, и в меру своих сил и способностей следовать его призыву: СПЕШИТЕ ДЕЛАТЬ ДОБРО!

Нина КРЕЙТНЕР

П.С. Послания из Пяру в Пяру

Самойлов написал дюжину посланий Копелеву — тот до последнего дня поэта оставался одним из самых важных его собеседников. Этому не помешала и высылка Льва Зиновьевича из СССР — для воображения не существует границ.

О. Х

Давид Самойлов

Из Гейне

Вот Копелев Лева сидит одиноко, Он голый и, может, со сна, И думает Лева: проклятое море, Не знает оно ни хрена! А где-то на Красноармейской прекрасной,

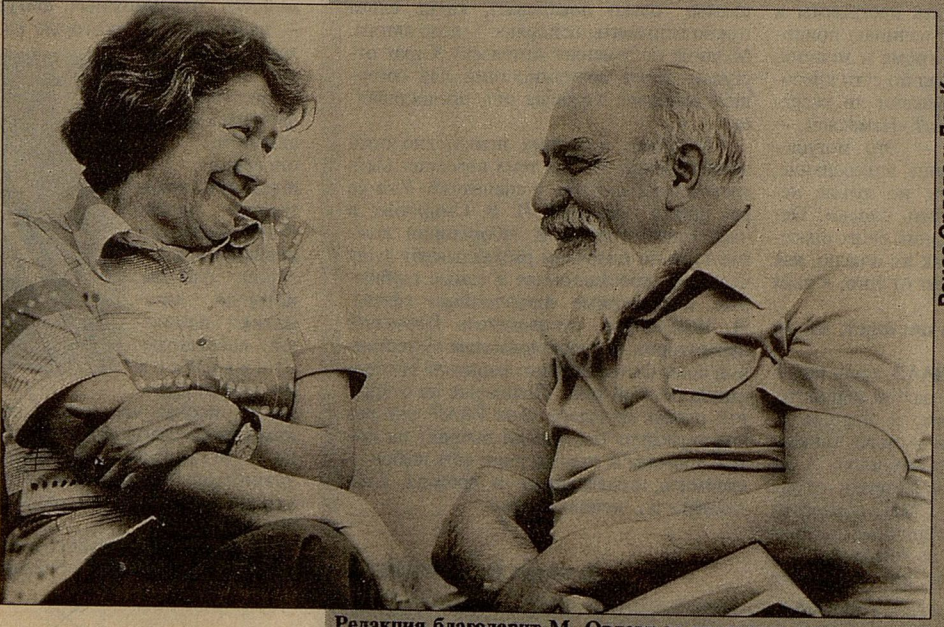
Где нету уже ни стекла,* Толпа его близких друзей и знакомых Вдали одиноко росла.

Из Языкова

Многолюдно наше море, Целый день шумит оно. Искупаться бы в просторе Лева Копелеву. Но Лева мучает люмбаго, И, не слушая жену, Он не делает ни шагу В набежавшую волну. Лева, Лева, поседелый, Стань, как прежде,

молодой! Посмотри, как Дезик смелый Гордо реет над водой.

*В то время как Копелев проводил лето в Пяру, лояльные «граждане» в Москве били в его квартире окна, наказывая его за диссидентство. (Прим. Д. С.)

Редакция благодарит М. Орлову за предоставленные письма и фотографии.